

Рубить сплеча по такой труппе я не буду

Вег. клуб. - 1998. - 18 марта. - с. 3

— Владимир Михайлович, что именно организовал срыв спектакля 10 марта?

— 7-го числа Юрий Николаевич подал заявление об уходе. В знак несогласия с тем, что предполагается, подчеркиваю, предполагается на должность артистического директора Василия. Прямо вам скажу, я не хотел давать сразу всю эту информацию. Оно не первое. Заявление Юрий Николаевич подавал в сентябре, пять лет назад он мне тоже подавал заявление. Я об этом подробно говорю, потому что упавшая связь между этим заявлением и последующими событиями. Итак, Юрий Николаевич оставил заявление и уехал за рубеж. А на 10-е назначена эта акция. Никто не был предупрежден — ни публика, ни артисты, ни администрация, — что вообще предполагалось бы делать, если вы ведете открытую борьбу. Артисты, пришедшие на спектакль, расписались в явочных листах, на которых после, как говорят, появились надписи: «забастовка».

И последовали события, историю которых вы знаете. Почему от работы отстранены эти, а не другие люди? Во-первых, эти люди, по заявлению всех очевидцев, занимались именно подстрекательством и призывами к забастовкам. Первым среди них был

господин Жорайтис, место которого в тот момент должно было быть в оркестре. Остальные 14 человек (кроме, может быть, Громова), не имевшие прямого отношения к спектаклю, занимались уговорами этот спектакль сорвать. Вот так и были определены эти люди. Они этого и не скрывают.

Бессмертнова — жена Григоровича и педагог-репетитор. Ее дело стоять и смотреть за работой учениц, а не участвовать в призывах к тому, чтобы эти ученицы не работали, — как, впрочем, и Риммы Карельской. Но в том и беда, что обязанности выполнялись совершенно другие. Обязанности по срыву спектакля. И вот за это нужно нести ответственность.

— Вы действительно отдали распоряжение не пускать Григоровича в театр, из-за чего, как говорят, и состоялась забастовка?

— Нет. Такого распоряжения не было и нет. Более того, я не настолько глупый человек, чтобы для художника, проработавшего в театре 30 лет, делать такую специальную акцию. Это клевета. По моей инициативе театр выпустил медаль, посвященную 30-летию работы Григоровича, потрачена на это деньги. Это что, травля моя? Это не доказательство того, что все, что я хотел и хочу от Григоровича, это то, чтобы он работал?

Некоторые время назад сам Юрий Николаевич рассказывал мне с болью в сердце байку, которая попала сейчас в прессу: когда Петипа уволили из Императорского театра, он кричал, а швейцар сказал: «Не велено пускать». И, наверное, в силу каких-то особенностей

психики кто-то хочет, чтобы так было и сейчас. Так не будет, пока я здесь директор. Юрию Николаевичу и всем сюда доступ свободный. Если я вручил почетный пропуск сюда Галине Павловне Вишневецкой в свое время, вы должны понять мою позицию в отношении артистов и художников.

— Некоторые СМИ сообщали, что судебное разбирательство по поводу забастовки уже состоялось.

— Нет, мы только подали иск в Городской московский суд, потому что необходима юридическая оценка этого факта. Если суд признает, что имела место забастовка или иным образом классифицирует это нарушение, то в строгом соответствии с решением суда последует наказание. Без наказания, на мой взгляд, такое оставить нельзя. Мне иначе нечего сказать публике, людям, приехавшим из дальних городов, людям, по нескольким месяцам ждавшим возможности посетить Большой театр.

Из этого опять делают какое-то шоу. Как будто бы я хочу кого-то уволить. Да не уволить, а просто ответственность за свои поступки все должны понести по заслугам.

— Вы готовы в своих действиях идти до конца?

— Что называется концом? Если говорить о давлении на меня, то оно длится бесосновательно, потому что уже несколько месяцев. Последний факт — телепередача с министром культуры Сидоровым, который, не имея возможности предложить ничего радикально-реального, рекомендует мне добровольно уйти. Тогда, дескать, мы

займемся реформами. Какими реформами он думает заняться? И что ему мешает помочь Большому театру уже теперь? Что, денег дадут? Что,

Медаль к 30-летию творческой деятельности Ю. Григоровича в Большом театре.

построят дом, выделит квартиру? Решат социальные проблемы, решат вопросы контрактной системы? Это все мы можем решить сами. Чем руководствуется министр культуры, когда дает такие рекомендации? И это для меня очень тревожный симптом. «Коконин пусть уходит, я же всегда за артистов». Как за артистов? Вы же их подталкиваете к этим действиям! «Нет, я вроде бы их

осуждаю, но их понять можно». Как можно понять нарушителя?

— Как вы думаете, почему труппа поддерживает Григоровича?

человека отказались от забастовки. Это больше 4/5 всех участников. Я их не просил об этом.

— Сколько человек вы готовы уволить?

— Возпроставится не очень православно. Забыли, с чего началось сыр-бор? Не личные взаимоотношения здесь играют роль, а та система юридических взаимоотношений, которая была предложена, дирекцией уже давно и закреплена Указом Президента: контрактные отношения. И вот если эти контрактные отношения — не фикция, а реальность, тогда нужно говорить о составе труппы и ее подборе.

А в случае с забастовкой все решит суд. Если нарушение подпадает под увольнение, я не устою, я уволю. Если оно подпадает под административное наказание — будет административное наказание. Это не вопрос, приговора. В этом и разница между мной и художественным руководителем: у меня есть только один спорный вопрос — юридический. А вот у художника споров много. Не ставить на роль. Вот сколько способов. Так кого должен быть бедный артист балета? Меня? Григорович назвал меня «какой-то фильмокаминной Кокониной». Но для него и Васильева, и Плискаева, и собственная труппа тоже «фильмовые».

— Правительству вас подталкивают?

— Вот его надо спросить у правительства. Мне совершенно непонятны его действия. Если господин министр культуры

предлагает Василию на должность артистического директора, что же он позволяет так тянуть с решением этого вопроса?

Ну не согласны вы с тем планом реформ, который я предлагал. Так и скажите прямо. Нет, вроде бы все согласны, но немножко как-то иначе. И вот меня уговаривают уйти. Я тоже могу сказать: а почему бы министру культуры не уйти? Что, нет возможности предъявить ему претензии за состояние Московской консерватории, Центральной музыкальной школы (это то, что мне ближе)? На моем веку это уже шестой министр. Только почему-то когда очередной министр пытался лично руководить театром, у него всегда что-то ломалось. Это не та организация, которой можно просто так руководить.

— Вы заявили себя как сторонника контрактной системы, но почему-то не пускать Григоровича в театр, контрактов-де никто в глаза не видел.

— При такой ситуации контракты никто и не увидит. Сейчас против контрактной системы идут бои. Эта система будет разрабатываться долго. Рубить сплеча по такой труппе я не буду. Я изучил уйму документов даже по дореволюционному Большому театру. Кто-то будет работать по контрактной системе, кто-то по полуконтрактной... Здесь много вариантов: для солистов — одно, для кордебалета — другое и т.д. Вахон принцип.

— А если в Большом снова будет забастовка?

— Я предупредил, если правительство ничего не собирается решать, не хочет или не мо-

жет, я по согласованию с правительством приостановлю показ спектаклей в Большом театре. Люди могут раскатать подкуры настольно, что оно просто опрочистится. Приходить в театр и каждый раз дрожать, будет спектакль или нет, — это просто не лезет ни в какие ворота. И мне кажется, к этому подстрекает министр, выступая по телевидению. В его позиции люди, участвующие в акции протеста, увидели некую поддержку. Вместо того чтобы сказать: «Ребята, что вы делаете?», он сказал, что поддерживает артистов. Какие должны быть протесты? «Мы сожалеем о Юрии Николаевиче, и вот сегодня мы дадим потрясающий спектакль. Такой спектакль, которого вы не видели. Мы будем так танцевать, чтобы было понятно, кого мы потеряли», — так должны были сказать артисты. Но если Юрий Николаевич у них ассоциируется с танцами, то пусть он танцует и уходит.

— Ваш пресс-атташе заявил, что с уходом Григоровича возможна «утрата национального репертуара»... Демонго все это из Мариуса Петипа ведь родом не из Тулы, это француз, окрещенный на русской почве. Но если есть блистательная феерия балетов Григоровича, то пусть ставит. Что, нет прекрасных балетмейстеров в России? А разве мы их приглашали? Если Григорович наш стол завалил своими планами, то, ради Бога, пусть ставит. В Большом театре есть все: блистательная труппа, певцы, прекрасные танцовщицы, блистательный оркестр.

Беседовал Александр ФИРЕР.